

Культура. — 2001. — 29 нояб. — 5 экз. — с. 4

А Собчак был моим вторым номером

Каждый город может по праву считаться "крестным" своего литературного стиля.

Одесса знаменита юмористами, Петербург "патронирует" фантастов. А самый древний город России Великий Новгород благоволил историческим романистам. Наш собеседник — Станислав ДЕСЯТСКОВ, автор романов "Верховники", "Персонных дел мастер", "Когда уходит земной полубог", "Голицын".

— Есть расхожая фраза: "Поэт в России больше чем поэт". А писатель? Справедливо ли считать прозаика пророком в своем отечестве, если последний раз он издавался совсем в другую эпоху, при другом социальном строе и рассказывал о вещах, не актуальных ныне?

— А вы не замечали, что в "смутное время", когда человек остро чувствует нестабильность, он обычно обращается к вполне конкретным литературным произведениям: историческим романам, классике. В них он ищет временные аналогии (ведь общеизвестно — история развивается по спирали) и утешается тем, что когда-то было хуже. Поэтому когда многие писатели сидели на мели и издательства не проявляли к их творчеству особого интереса, я был достаточно востребован. Мои первые романы именно в 90-е годы выдержали по три переиздания, и поступали заявки на написание новых произведений.

— Немногие знают, что писатель и историк Десятков, являющийся убежденным сторонником реформ Петра Великого и пишущий

Фото ИТАР — ТАС

Кремль в Великом Новгороде

исключительно "русские" романы, на самом деле является преподавателем зарубежной истории в Новгородском государственном университете и даже защитил докторскую диссертацию по английской политике в 30-е годы. Так что же для вас важнее?

— Это тот счастливый случай, когда хобби и работа удачно сочетаются. Удачно — значит я люблю и то и другое. Русская история — для души, а зарубежная — для ума. Мне даже довелось встречаться с английской королевой во время ее последнего визита в Россию. Ей показывали музей Пастернака в Перedelкине и попросили меня провести экскурсию.

К сожалению, в Великобритании я лично не был, хотя диссертацию писал по рассекреченным предвоенным архивам. Вышло это так. Когда англичане в 60-е годы открыли доступ к архивам тридцатилетней давности, образовалась огромная очередь из историков со всего мира, желающих приобщиться к секретной информации. И в России такое счастье выпало двум исследователям. Один из них был сотрудником КГБ, а другая, по счастью, оказа-

лась профессиональным историком из Москвы. Ей удалось сделать копии четырех томов информации. И мне предложили их изучить. Приехал в столицу, пришел в институт. Директор торжественно открыл сейф, в который были спрятаны драгоценные копии. А там... пустые полки. Вызвали зама, он тоже разводил руками. Наконец, дошла очередь до завхоза. Он-то и признался, что давал ключ от сейфа дочке, которая пишет курсовую работу. Видите, как легко и просто получить доступ к любым секретам. Надо лишь знать завхоза.

— А почему же нет ни одного вашего произведения, где герои — англичане?

— Надеюсь, что в скором времени такая книга появится. Правда, там герой имеет шотландские корни. Да и служил он русскому царю. Издательство "АСТ" заказало мне роман о фельдмаршале Брюсе, знаменитом чернокнижнике и масоне, служившем, кстати, довольно долгое время в Новгороде. Рукопись должна быть готова уже к декабрю, издательства вообще очень строго следят за исполнением договора. Так что придется поторопиться.

— Станислав Германович, вы, кажется, приехали в Новгород из Ленинграда? Кажется, даже в Русском музее работали?

— Я — коренной новгородец. Но учился в Ленинградском университете на историческом факультете. Правда, наша кафедра была очень хитрой, и в моем дипломе стоит специальность "искусствовед". Поэтому-то меня и взяли в Русский музей экскурсоводом. Между прочим, благодаря этой работе я и увлекся Петровской эпохой. Помог мне в этом художник Ге.

— Что значит "помог"?

— У Ге есть замечательная картина "Петр I допрашивает царевича Алексея". А в те годы, когда я работал в музее, его руководство не полагало только на охрану силами милиции, и каждую ночь в здании должен был дежурить кто-то из сотрудников. Пост находился как раз напротив этой картины. И я настолько изучил ее мельчайшие детали, что стал домысливать целую цепь событий. А потом засел за роман. Так в 1966 году появились "Верховники". Роман, посвященный первой попытке русской конституции, которая была предпринята задолго до декабристов, сразу после смерти императора Петра. Но прежде чем книга увидела свет, прошло 14 лет.

— А почему издательства отвергали книгу?

— Я отнес роман в "Лениздат", поскольку входил в литературный кружок при этом издательстве. Рукопись попала в руки Валентину Пикулю. Тема ему понравилась, но идея конституции — нет. Он был сторонником сильной, тоталитарной власти. Да к тому же произведение показалось ему слишком несолидным для исторического романа — тонкие книжки были тогда не в моде. Рукопись к печати не приняла, но мою тему Пикуль не забыл и вскоре написал собственный двухтомник. Я, конечно, оби-

делся. Помирились мы с Пикулем только лет 20 спустя в Риге.

— Ну и как же вам удалось напечатать роман?

— Благодаря новгородскому писателю Марченко, который работал в издательстве "Современник". Он меня издал как новгородец новгородца. Правда, книга вышла в сокращенном виде.

— Вторая книга не прошла такой мучительный путь?

— Тут я уже учел критику о толщине. "Персонных дел мастер" написан на основе новгородско-питерского материала. Это история братьев Никитиных, один из которых был первым светским художником при Петре Великом. Есть две версии происхождения Никитиных. Одна из них — новгородская. Император довольно часто посещал Новгород. И однажды в Софийском соборе увидел мальчика, что-то рисующего на обрывках бумаги. Петр заинтересовался, посмотрел детские наброски и отправил ребенка учиться в Петербург. Так начался путь великого художника.

— Говорят, экземпляр этого романа с вашей дарственной подписью хранится даже у Бориса Ельцина?

— Мы с ним обменялись книгами. Я взамен получил его "Вхождение во власть" с автографом. Причем инициатором обмена стал именно Борис Николаевич. Хотя я сомневаюсь, что он прочитал роман.

— А вы его сочинение?

— Ну, конечно!

— И все-таки почему вы уехали из северной столицы в провинциальный Новгород?

— А меня начальник Путина пригласил!

— Марат Межевич работал в Новгородском пединституте. Он-то меня и перетянул в Новгород, а сам потом уехал в Петербург. Он был хорошо знаком с Анатолием Собчаком и вошел в его команду, был помощни-

ком. Владимир Путин находился в его непосредственном подчинении. Кстати, с первым петербургским губернатором мы познакомились очень давно, еще в университете, когда проходили военные сборы. Я хорошо стрелял и был назначен первым номером пулеметного расчета. А Собчак стал моим вторым номером, и ему пришлось таскать тяжелый пулемет. Много лет спустя он припомнил мне это. В шутку, конечно. Я обратился к нему с сумасшедшей просьбой вскрыть гробницу Петра I, чтобы взять хотя бы несколько волосков императора для проведения анализа, который должен был подтвердить, что государь был отравлен. Я считаю, эта версия является самой правдоподобной. Собчак отказался, сославшись на шумиху, которая обязательно поднимется в обществе.

— Неужели вам никогда не хотелось написать книгу, где главными действующими героями были бы новгородцы, скажем, XII века? Ведь археологи только по находкам на одном Троицком раскопе идентифицировали имена 200 новгородцев.

— Знаете, недавно мне дама из Нижнего Новгорода прислала на рецензию роман о Рюрике. Начинается он так: князь входит в терем, где заседают новгородские старейшины, и Гостомысл командует: "Встать, князь идет!". Я ее спрашиваю: "У вас, наверное, муж полковник?" Она удивлена: "Как вы догадались?" Художественная литература — это не профанация. Чтобы писать о той эпохе, надо изучить массу вещей от стилистических особенностей языка до мельчайших подробностей быта. Впрочем, я не зарекаюсь, что Средневековье навсегда для меня закрыто. Может быть, через пару лет такая книга и увидит свет.

Беседу вел
Елена АНЖЕНКОВА